"Как я попал в секту Виссариона" История из жизни. Зинченко Сергей

Попал в секту Виссариона! История из жизни. Зинченко С.Л.

Друзья! Есть такое песнопение: "Моя жизнь была темна, средь греховной суеты..."

Однажды я проснулся ночью, открываю глаза и над потолком какое-то облако, тёмное вращается. Я закрыл глаза и подумал: "Что это такое?"

Я пошел к человеку, который..., как бы мне был интересен, потому что он, в отличии от моих друзей, говорил о каких-то ненормальных явлениях. Говорил об инопланетянах, о снежных людях и это было интересно всё. И я к нему пришел, говорю: "Ты знаешь?! Я ночью просыпаюсь и облако такое тут черное надо мной!" Он говорит (так, нараспев почти): "Это тебя призывает Бог!"

Вот интересно, да?

Это первое было такое - это тебя призывает Бог.

Я жил с любимым человеком, знаете как? В институте я дружил с девушкой, ее звали Янушка. Тогда я называл ее по-другому. И мы, знаете, расстаемся - любим друг друга, сближаемся - противоположное действие какое-то. И мы решили скрепить наши отношение свадьбой. Думаем: "Всё...!" И мне Янушка говорит, что поедем знакомится к её родителям, а к ее родителям знакомится - это все значит. Значит бесповоротно, значит всё! Мы уже будем вместе.

Ну ладно, съездили, познакомились. Сильного впечатления (можно сказать) никакого. Расстались, а она говорит: "Поезжай, ищи деньги на свадьбу. И будем (свадьбу играть)."

А я приехал домой. Звонок в дверь, на пятом этаже я жил в (Мозаре) Белоруссии. Позвонил, и никого нет дома. Думаю, ну ладно, я пойду к знакомому. Вот к этому, который о снежных людях и инопланетянах (говорил).

Прихожу, он открывает дверь, (внутри) темно и люди смотрят. Какой-то экран и (на нем человек) знаете, такой вид иконописный и говорит: "Дорогие чада Божьи."

Я так думаю: "Ничего себе, как он обращается!?" И я уверовал вот в этого, который говорит: "Дорогие чада Божьи." Я стал верующим, я потом думаю: "А в кого же я уверовал?" Я говорю: "А можно почитать то, что он проповедует?" Мне говорят: "Вот возьми... Это пришел бог на землю имя его Виссарион. В книге Откровения написано: "Имя его будет новое..." Вот у него новое имя, если раньше у него было имя Иисус, то теперь Виссарион - дающий жизнь. И я уверовал, я взял его книгу "Последний завет". Выучил ее, потому что там никакой нет связи между всеми этими главами, но некоторые места мне особенно запомнились.

И вот я прочитал эту всю книгу и вдруг подъезжает моя невеста, Янушка. Вот она едет, и я приехал в Гомель ее встретить. А у меня ничего нет, друзья, ни денег, ничего. Вот только эта книга "Последний завет." Я вот так ее сюда (скорее всего подмышку) взял. Встречаю ее, она выходит со свадебной шляпкой, белая такая шляпочка. Выходит, такая радостная и говорит: "Ну...?!" И смотрит на меня, а ей говорю: "Задавай мне любой вопрос, я все знаю." Она на меня посмотрела и говорит:

"Ты что? Передумал жениться?"

"Да какой там жениться? Это второстепенный вопрос! Мы едем к Богу!"

Она: "Ой-ой-ой-ой!"

Я говорю: "Мы едем в Минусинск, два билета." Она посмотрела на меня и говорит: "Ну, будем считать это свадебное путешествие."

С нами еще такие вот уверовавшие были. Одна семья, одна девушка, одна женщина с внучкой. И мы ехали в этом поезде - четыре дня ехали. Пели песни про каких-то гномиков, которые в домиках живут. И в общем ехали в эти домики к гномикам.

Друзья, это я уже сейчас так говорю, а в то время мы в это во всё верили. Мы повесили фотографию этого Виссариона, на нее

молились прямо в поезде, друзья, вот удивительно. А были мы не в купе, не в закрытом были (отсеке), все было открыто, плацкарт. Ехали, всем рассказывали, все у нас спрашивали, откуда вы такие веселые-то люди? Что у вас случилось? Откуда радость? Мы говорим: "Мы к Богу едем! Виссариону! Через пятнадцать лет вся земля перевернется, Санкт-Петербург уйдёт под землю, Москва под землю, всё под землю. Один Минусинск - это островок счастья, здесь соединение неба и земли. Здесь только будет счастье, едем туда."

Они такие: "Ух ты, как вы хорошо говорите. Точно. Ну наверно что-то в этом есть?" Но нас никто не слушал. Потом, когда мы вышли в Абакане, я выхожу там и думаю: "Вот она, земля! Святая земля, по которой ходят ноги Виссариона. О, какие люди счастливые."

Я подхожу к человеку, говорю: "Вы знаете, что пришел бог на землю и он живет здесь?!"

Он так на меня посмотрел и говорит: "Нет! Я не знаю. "

"Странно? Я с Белоруссии приехал и знаю, а вы не знаете, вы что?"

И в общем... И вдруг, с нами был девочка, я ее так немножко на собственных руках, как на карусели катал. Ну, а силы не подрасчитал и вывихнул ручку у нее. Мама на меня кричит: "Ты что? Здоровяк такой, силы не можешь рассчитать? Это же ребенок..." Я говорю: "Так, а чего мы ругаемся? Мы же к богу приехали, он же все может, он же может исцелять..."

Такси снимаем и в Минусинск из Абакана, там недалеко. Приехали прямо в приемную к Виссариону. Друзья, в точности как в Священном Писании в Евангелие от Матфея двадцать четвертая глава: "И будут говорить вон там в потаенных комнатах, не идите, не верьте, не идите." Все в точности. Друзья, и мы только вошли в приемную к Виссариону и тут же эта девочка перестает плакать. Ах! Точно бог! Всё, только заходим тут же исцеление начинаются, ну точно бог!

Здесь стойка, где идет запись, очередь к Виссариону. Встречает меня Понтий Пилат то, есть там они верят в реинкарнацию, в переселение душ. И сам Виссарион людей обманывает, он говорит, что в тебе душа Марии, а в тебе то и то... И чем ближе ты к нему, тем ближе к евангельскому персонажу.

Я был вторым, передо мной один человек, я второй, а после меня жена моя. Тогда еще невестой была.

И я захожу в комнату, вся комната в ладане, в таком, знаете, в дыму, в таком церковном. Я так в дыму рассмотрел... вот он, Виссарион... Представляете моё ощущение? Я захожу к богу и я так немножко весь дрожу, сердце колотится. Встреча. И в одном углу сидит разбойник, который был на кресте, который покаялся там, какой-то он черный почему-то был, такой с черными волосами. Ну, наверно, еврей. Так, вот я посмотрел все, и он говорит: "Ну...!"

Так на меня смотрит, такая легкая улыбка у него. "Ну, что?"

Я говорю: "Я уверовал в вас!"

"Ну хорошо, а что еще?"

Я говорю: "Ничего больше..."

А мне потом-то братья подсказали, говорят, да денег наверное хотел, ну, а ты не привез ничего. И он говорит: "Ну тогда иди." И я пошел.

То есть я ожидал, что он сейчас мне что-то скажет, меня вдохновит. Как-то внутри была пустота. Вслед за мной жена пошла. То есть невеста. Она пришла потом и целый час (обсуждали). Понтий Пилат весь из себя, он говорит: "Сколько можно? Я же говорил, не больше пятнадцати минут. Сколько людей! Очередь!"

А жена у меня там целый час, отпрашивала меня, говорит: "Отпустите его, у нас пятый курс института остался, доучиться надо, а он здесь задержится, отпустите?" Он говорит: "Нет! Поезд не доедет, машина перевернется, самолет не долетит. А если уедите, если все это вас минует, проказой покроетесь и умрете. Поэтому уже назад дороги нет. Это святая земля, а вам открыта тайна. Поэтому уже обратно пути нет."

Ну я, собственно говоря, и не хотел уезжать. И нас отправили миссионерами, в село Имисское. Приехали в старую школу, в одном углу спали, там отсек такой, а это деревянная школа одноэтажная, кто может представляет. В одном углу спали женщины, в другом мужчины, по утрам мы встречались на молитву, послушаем проповедь Виссариона и в общем-то... И вот так вот, друзья и чего-то они постоянно ссорились, я вот не помню, всё время какие-то ссоры между ними были. И я даже призывал к миру, представляете. И потом, почему-то там все ходят раздетые. Ну как раздетый, я ходил в трико, как бы слияние с природой и смотрю у меня ноги покрылись такими пятнами. Такие знаете, когда вот у мозоли шкурочку снимешь, она начинает слезиться, или как сказать? И начинает углубляться и не заживает. И мне говорят: "О-о! Это особая святость. Это чакры у тебя открываются и злая или плохая энергия из тебя уходит." Я так думаю, вот оно начинается.

Друзья, и вот так вот, с этими ранами мы ходили, сложно было нам всё. И один раз, я помню, мы с Янушкой сели под березкой, зелененькая тут травочка, и плачем. Она плачет, что меня теряет, смотрит у меня глаза начинают меняться, выражение лица меняется. Я все больше и больше погружаюсь в эту веру и больше я становлюсь похож на всех людей, которые там. А я плачу от того, что я искал Бога и вроде я рядом с ним, а внутри вот такая же пустота, ничего внутри нет, ничего такого нет, что я ожидал. И когда мы устроились в домике для приезжих, а люди постоянно ехали с Москвы, с Петербурга. Постоянно шел поток. Мы не успевали расселять. И смотрю такой мужчина, с бородой, такой старовер. Я говорю: "О! Ты Виссариона видел?" Он говорит: "Нет, не видел." Я говорю: "А я видел, в первый же день. А как ты не видел? Ты же здесь с нами вместе?" Он говорит: "Ну если он Бог, то Он знает меня. А если не Бог, то зачем мне его видеть?"

Друзья, мне эти слова просто открыли глаза. Я тут же, после этого прихожу к жене, говорю: "Янушка, мы уезжаем!" Она на меня бросается, говорит: "Неужели?!" А я говорю: "Но вернемся." Она: "Конечно, конечно вернемся! Только уезжаем. Уезжаем отсюда!"

Ну и мы, на последние оставшиеся копейки, которые у нас там оставались, уехали оттуда. Приехали домой, не домой, а приехали в Архангельскую область в Коряжму, там мы учились в институте. Приехали, а у меня день рождения шестого сентября. И как говорится я накрывал.., сейчас уже говорят - поляну, то есть я накрывал стол и с этого начиналось открытие учебного года. Выставлял то, что должно принадлежать столу и такому пиршеству. Но к удивлению всех я ничего не поставил спиртного. Только поставил торты, съедобное и совершил какое-то таинство, молитву. Всё перекрестил, все начали посматривать на меня со стороны, говорят: "Что-то с ним случилось?" Ну и ждут, когда я снова, может быть, что-нибудь то поставлю, но я так и не поставил. Все стали по одному уходить, я стал говорить: "Дорогие чада Божьи! Я уверовал, может и вы хотите уверовать?" Они говорят: "Нет, Сергей! Мы пока нормальные..." И потихонечку все ушли. А я остался с женой. Мы решили все-таки наши отношения зарегистрировать и четырнадцатого сентября мы пошли и поженились. У нас на свадьбе был кто? Свидетель и свидетельница и всё, вот вся наша была свадьба. То есть посидели-то за столом, я прочитал из "Последнего завета" проповедь. Меня послушали те, кто пришел из уважения. Ну и всё. И на этом всё.

Потом я стал свидетельствовать везде, по всему нашему институту. Вешал трактатики, приглашал к себе в комнату. И некоторые люди даже обратились. Ну как обратились? Некоторые люди присоединились к нам, и такая была у нас маленькая ячеечка, виссарионовцев. И в общем-то практически уже все люди услышали и от меня уже немножко все отступали, и вдруг в комнату постучалась одна девушка. Постучалась и говорит: "Сергей! А во что ты веришь?" Я говорю: "Наташа, заходи, я тебе сейчас расскажу во что верю..." И я ей рассказал. Она даже немножко усомнилась, а все потому, что она летом приняла крещение и в общем-то она говорит: "А можно почитать эту книжку?" Она взял эту книжку, через неделю приходит, говорит: "Ты знаешь! Хорошая книжка. Но есть лучше "Последнего завета" Я говорю: "А где ее взять?" Говорит: "Приходи к нам на собрания. Ты знаешь, мы не так верим, как ты. Мы только верим, что придет Христос, а ты уже с Ним встретился, вот ты придешь нам и расскажешь, и мы все станем виссарионовцами."

Я подумал: "Вот это захват будет! Сразу же всех захватить."

Рано утром, в воскресенье я встал, помню свое настроение - вдохновленный. Прихожу на собрание, но собрание такое интересное. Так сидят люди на скамеечках, занавесочки на ниточках, все так стройно. Сестры сидят, старицы с песенничками. И у всех такие глазки, как огонечки - светятся. И они поют стройно, благоговейные гимны и все сидят, а мы там (у Виссариона) в позе лотоса всегда сидели на земле, а здесь на скамеечке. Я так смотрю: "Ух ты!"

И вдруг какой-то проповедник встал, прочитал Евангелие от Марка, четвертая глава один текст, как привели слепого косноязычного и Он возложил руки, отвел его в сторону, посмотрел на небо, совершил. И он заговорил и стал видеть. И он сказал на этот текст полуторачасовую проповедь. Я сижу, я может быть не все понимал, но я смотрю из этого старичка исходит какая-то сила, о которой я только думал, а он так легко, если я проповедь говорил, что-то там сочинял, из головы, что-то вытаскивал, то здесь как будто льется, льется все из него. Я думаю: "Я отсюда никого не уведу, мне бы хоть самому отсюда тихонечко уйти."

Заканчивались собрания, я тихонечко, так, так... ко входу. А сестры: "Вот он, вот он!" И меня потихонечку прижали, и старец так на меня смотрит, глаза улыбающиеся! Да не то, что у того Виссариона, понимаете? Улыбается, на меня посмотрел. А я, что-то там из "Последнего завета" стал вспоминать: "Во мне источники текут, текут..." А он говорит: "Ух ты! Текут..." И говорит: "Ладно! Пошли кушать."

Так положил на меня руку, у нас вообще вот у людей, когда с человеком не о чем поговорить, то обычно говорят пошли кушать, то есть, больше с человеком не о чем говорить, только кушать можно с ним. И в общем-то все..., а мне налили такой красный борщ, а я мясо не ел два месяца, почему? Мяса кто ест, тот злым будет. Поэтому я мясо не ел по учению этому. Я посмотрел на красный борщ, на мясо, посмотрел по сторонам, никто не знает вроде, что я не ем мяса. И съел этот борщ, мясо и тут мой брат, Василий Дмитриевич, на меня посмотрел и говорит: "Ну что Сергей? А теперь поговорим."

Вопрос - ответ, вопрос - ответ. Он знаете как? Евангелие от Иоанна, Евангелие от Матфея, Евангелия от Луки, Евангелия от Марка, Иезекиль, Иеремия... Я..., какое там..., он Библию наизусть знает. От моего Виссариона ничего не осталось, всё, пусто. Фундамент весь разрушен, я раздавлен. Я сижу, мне тяжело, тут меня все обступили, знаете, как вот есть такая открыточка, когда все склонились над младенцем. Пастухи, волхвы, Иосиф, Мария над младенцем и так смотрят. Так и надо мной все склонились, и

Василий Дмитриевич. Я сижу.

"Ну что? Ты понимаешь, что ты заблуждаешься? Так тебе покаяться нужно." И вот здесь у меня как сдавило всё, гордость не дала, я говорю:

"Не могу! А можно Новый Завет?"

"Конечно можно. Возьми."

Я ушел. Прихожу в общежитие, в комнату к моей жене. Прихожу, сел на панцирную кровать, открываю (Новый Завет). А с чего начинать? Я раз, открыл одиннадцатая глава Послание Римлянам. Ой, какая это глава. Открыл, читаю. Вот это да! Вот это масштаб! Дикая маслина! Привил! А природную - отсек. Это Израиль. Дикая! Язычники. Корень - Христос. Я сразу вспомнил, а я же географ, я помню эти переселения народа, я знаю, что Израиль весь рассеян, а язычники почему-то приняли христианство. Я думаю: "Вот оно в чём дело! Оказывается вот оно, вот это... Какой там Виссарион? Тот маленький Виссарион, в той комнате сидит, а вот они Ручищи! И в этих Руках народы. Передвигает, перемещает, ставит... Я думаю: "Вот это откровение!" А в конце: "О бездна богатства и премудрости и ведения в Слове Божьем." Бездна!

И тут я, словно, куда-то провалился. Сижу радуюсь, радость меня охватила, даже посмеялся. Жена у меня проснулась. Говорит: "А что ты смеешься? Что там?"

Я же ей ответил, что они заблуждаются. Я не мог сразу признать своё поражение. Но уже во вторник я решил идти на собрание. Собрание было на квартирах. Я взял с собой Яночку, она у меня смелая, коммуникабельная. Я говорю: "Янушка, пошли и найдем то собрание, знаю дом, а где они собираются там?" И она в первую же квартиру: "А где собираются баптисты?" Показали, мы приходим, там маленькая комнатка, сидят люди, сидят бабушки. Я их уже знаю, но их намного меньше почему-то здесь было. Сидят, открыли книгу какую-то. Вочман Ни "Нормальная жизнь христианина" и читают, читают... А у меня одно - быстрей бы они закончили эту книжку, покаяться хочу. Закончили книгу, я склонился на колени и говорю: "Господи! Прости! Я столько людей обманул. Я столько им неправды... Я им все по-другому расскажу. Я расскажу, что Ты настоящий Спаситель...!" Ну приблизительно вот такая была молитва. Меня всего трясло от волнения. Я взялся одной рукой за...капитана милиции, взялся за него, а второй рукой я взялся за жену свою. И трясет меня всего, но я каялся, просил прощения. И когда я встал и сестры громко: "Блудный сын навеки возвращен, найдена пропавшая овца..." Как будто ангелы пели вокруг меня, такая радость была.

Я выхожу из этой квартирки, иду. Осень, представьте, это был октябрь месяц, иду смотрю - небо... А я никогда на небо и не смотрел-то, какое там небо?

А здесь моя жена идет, я давно уже ей хороших слов не говорил, я все больше такое... А тут ей говорю: "Янушка! Мне так хорошо! Я так тебя люблю!:

Она говорит: "Тебе что? Так хорошо что ли?"

Я говорю: "Да!"

Она говорит: "Я тогда в пятницу покаюсь!"

Комментарии
